

УДК 302.4

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-75-93

РИСК КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ Н. ЛУМАНА И У. БЕКА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Сапан Илья Евгеньевич – аспирант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1;
e-mail: isapan1994@gmail.com

Статья содержит анализ актуальной проблемы современного общества, особенность которого состоит в регулярном взаимодействии с рисками. Автор рассматривает данную проблематику с опорой на точки зрения двух выдающихся немецких социологов современности – Ульриха Бека и Никласа Лумана. Предпринимается попытка исследовать качественные различия в их теоретических построениях и выявить существенные характеристики таких явлений, как риск, опасность, ответственность, протест, определить их роль в жизни современного общества. Так, по мнению Н. Лумана, стоит отличать риск от опасности. В первом случае возможный ущерб приписывается собственным решениям, во втором – внешним событиям. Современное общество – это общество риска, поскольку все чаще признается, что будущее зависит от решений с неопределенными последствиями. Поэтому риск не ограничивается промышленными технологиями, а касается всех социальных систем. Чувствительность к риску выражается в диффузной тревоге, породившей новые формы протеста. Такой подход отличается от институционального конструктивизма, разработанного У. Беком. Отказываясь понимать риск только лишь как социальный конструкт, Бек заявляет, что реальность зависит от технической деятельности человека, в силу чего создание и определение этой реальности не могут быть разделены.

Ключевые слова: общество риска, опасность, протест, функциональная дифференциация, Н. Луман, У. Бек

Цитирование: Сапан И.Е. Риск как структурный элемент современного общества в свете концепций Н. Лумана и У. Бека: социально-философский анализ // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 75-93.
DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-75-93

RISK AS A STRUCTURAL ELEMENT OF MODERN SOCIETY THROUGH THE CONCEPTS OF N. LUHMANN AND U. BECK: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ilia E. Sapan – postgraduate student of Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: isapan1994@gmail.com

The article contains an analysis of an acute problem of modern society, whose peculiarity lies in its regular interaction with risks. The author examines this issue, drawing on the views of two prominent German sociologists of our time, Ulrich Beck and Niklas Luhmann. An attempt is made to explicate qualitative differences in their theoretical constructions in order to identify the essential characteristics of such phenomena as risk, danger, responsibility, protest and to determine their role in contemporary society. Thus, according to N. Luhmann, it is worth distinguishing risk from danger. In the first case the possible damage is attributed to one's own decisions, and in the second – to external events. Modern society is a risk society, as it is increasingly recognized that the future depends on decisions with uncertain consequences. Risk is therefore not limited to industrial technology but concerns all social systems. Risk sensitivity is expressed in diffuse anxiety, which has given rise to new forms of protest. This approach differs from the institutional constructivism developed by U. Beck. Refusing to understand risk only as a social construct, Beck argues that reality depends on human technical activity, so that the creation and definition of this reality cannot be separated.

Keywords: risk society, danger, protest, functional differentiation, N. Luhmann, U. Beck

For References: Sapan, Ilia. 2022. Risk as a structural element of modern society through the concepts of N. Luhmann and U. Beck: socio-philosophical analysis, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4): 75-93. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-75-93 (In Russian)

Сегодня мы можем наблюдать, что многосторонняя политическая система, сформировавшаяся во второй половине XX-го столетия, переживает системную встряску: территориальные споры, соперничество в технологической сфере и изменения климата приводят к образованию многочисленных трещин. Однако если окинуть взглядом последние тридцать лет с точки зрения общемировой перспективы, то до недавнего времени политическая и экономическая ситуация в мире еще никогда не была настолько обнадеживающей, даже вопреки существенным противоречиям между некоторыми странами. Так, например, президент Франции Э. Макрон не так давно заявил, что в мире закончился «период беспечности и изобилия». Тем не менее, начиная с 1980-х гг., чувство незащищенности нарастало, а вопросы потенциальных угроз и риска в различных областях человеческой деятельности стали главной заботой мирового сообщества и одной из основ его самонаблюдения.

ния (в частности, из-за техногенных аварий, появления СПИДа и ухудшения экологического состояния окружающей среды). Как заявляет П. Штомпка, «черта поздней современности – это появление новых форм риска» [Штомпка, 2008, с. 597].

Отметим, что еще в 1986 г. У. Бек в книге «Общество риска. На пути к другому модерну» утверждал, что мы являемся свидетелями решающего перелома в современности, когда на смену индустриальному обществу приходит общество риска. Как отмечает ряд современных исследователей, «центральное место в размышлениях Бека о риске занимает то утверждение, что основные угрозы, с которыми сталкивается общество, больше не являются главным образом внешними, ... они производятся как непреднамеренные последствия самой модернизации» [Burgess, Wardman, Mythen, 2018, p. 1]. Так, например, У. Бек в самом начале своей работы «Общество риска» подчеркивает, что «нельзя сказать, что наше столетие обошло историческими катастрофами: две мировые войны, Аушвиц, Нагасаки, затем Харисбург и Бхопал, теперь вот Чернобыль. Это вынуждает к осторожности в выборе лексики и к обостренному восприятию особенностей исторического развития» [Бек, 2000, с. 5].

Вместе с тем следует отметить тот факт, что и Н. Луман в 1986 г. также отреагировал на чернобыльскую катастрофу, системно изложив свои взгляды на риск как социальный феномен в книге «Экологическая коммуникация». Его идеи получили дальнейшее развитие в книгах «Социология риска» и «Наблюдения современности». По его словам, технический прогресс и промышленные катастрофы сами по себе не могут объяснить «чувствительности к риску». Риск порождается очень высокой сложностью и функциональной дифференциацией современного общества, является его следствием. Подобный факт стал конституирующим измерением современности, потому что будущее теперь зависит от решений с неопределенными последствиями. Мы остро воспринимаем риск только лишь потому, что зависимость будущего общества качественно возросла от принимаемых решений. Аналогичную точку зрения выражают некоторые современные авторы: «Каждое новое научное открытие и/или каждое новое технологическое применение выдвигает множество возможных вариантов будущего, относительно которых у нас нет (или, напротив, много) мнений, основанных на научном знании, что все более и более затрудняет принятие решений из-за присущих им неопределенностей» [Pietrocola et al., 2021, p. 210]. На основании вышеизложенного справедливо задать несколько вопросов. Разве риск для человека не существовал всегда? Не всегда ли он был повсеместно распространенным фактором социальной жизни? Что качественно изменилось в так называемой «поздней современности»? Автор предпринимает попытку в своей статье найти ответы на эти вопросы, анализируя и сравнивая взгляды двух выдающихся немецких социологов – У. Бека и Н. Лумана, внесших заметный вклад в дискуссии на эту

тему. Для этого мы покажем, что оба социолога расходятся в своем представлении об обществе риска из-за несовпадающих интерпретаций его организации.

Риск и комплексность

Как мы отметили выше, по мнению Н. Лумана, возникновение риска в первую очередь связано с качественно новым приростом комплексности, характерным для современного общества. Эта комплексность делает неактуальной надежду на предсказуемость будущих событий на основе детерминистических законов, особенно если учитывать тот факт, что незнание и неопределенность как бы лежат в основе знания. Научная экспертиза, безусловно, может стремиться к разработке расчетов, которые позволят предвидеть возможный ущерб или риск. Однако, как показал американский социолог Чарльз Перроу в своем анализе рисков, связанных с технологиями, такие расчеты могут быть удовлетворительно сделаны только *после* того, как ущерб нанесен. Специальные комиссии по расследованию подобных инцидентов могут с точностью определить только постфактум, что было сделано неправильно и что следовало бы сделать [Perrow, 1984, p. 24.]. Может возникнуть соблазн объяснить такие аварии «человеческим фактором», «плохим маневрированием» или «плохой оценкой ситуации». Однако такая атрибуция предполагает, что системы следуют линейной причинно-следственной связи, что поводы могут быть четко установлены, а последствия – предугаданы. Такая точка зрения игнорирует тот факт, что технические установки, которые потенциально могут стать причиной аварии, редко представляют собой линейные системы, чаще всего это системы сложные и разветвленные [Ibid., p. 72]. Очень высокая сложность некоторых промышленных установок увеличивает вероятность возникновения неожиданностей, поэтому прогнозы выглядят как упрощенное сокращение явлений. Ч. Перроу заключает, что «представление неожиданных взаимодействий становится для нас все более привычным. Это представление характеризует наш политический и социальный мир, а также мир технологий и промышленности» [Ibid., p. 168]. По мере увеличения размера и количества функций, которые должны выполнять системы, а также по мере того, как их окружение становится враждебным, взаимодействие между системами становится более непредсказуемым и неожиданным, а инциденты – более частыми. Системные аварии становятся нормой. В этом смысле мы можем согласиться с мыслями Гейба Митена и Джейми Уардмана, что «лучше признать неопределенность и таким образом сохранять бдительность, чем притворяться, что неопределенность устранена с помощью технократических средств» [Wardman, Mythen, 2016, p. 1225].

В книге «Глобальное общество риска: в поисках утраченной безопасности» («Weltrisikogellschaft: Auf der Suche nach der

verlorenen Sicherheit“) У. Бек, в соответствии с анализом Ч. Перроу, утверждает, что для понимания общества риска необходимо различать два типа научных теорий [Beck, 2007]. Стоит отметить, что в этой работе У. Бека, которая еще не переведена на русский язык, большое место отводится диалогу с теорией систем Н. Лумана, хотя самое известное произведение У. Бека «Общество риска» не ссылается на него в явном виде.

Линейные теории не рассматривают незнание как конституирующее измерение современности; они ограничивают знание учеными, чей опыт должен привести к консенсусу. В отличие от них нелинейные теории признают, что незнание является центральной проблемой современных обществ. Они также признают плюрализм форм рациональности. Множество областей знаний обладают противоречивыми истинами. Таким образом, различные сети знаний часто вступают в конфликт и разрабатывают стратегии навязывания своей точки зрения. У. Бек резюмирует ситуацию так: «В одном месте присутствует закрытая и консенсусная сеть акторов, в другом – открытая и диссенсусная сеть» [Ibid., p. 229], тем самым утверждая, что только второй теоретический подход позволяет по-настоящему понять общество риска.

В свою очередь, Н. Луман решительно заявляет: «Тот факт, что подобные катастрофы будут происходить с определенной периодичностью, с некоторых пор стало доступным знанием, хотя это и не обнадеживающее знание» [Luhmann, 1992, p. 158-159]. Он также отмечает, что знания не только не уменьшают незнание, но и увеличивают неопределенность (контингентность) и, следовательно, риск. Это особенно ярко проявляется в случае с экологией: «Это правда, что мы накапливаем все больше и больше экологических знаний. Но именно это приводит к незнанию взаимосвязи между обществом и его экологической средой» [Ibid., p. 158]. В этих условиях аналитические прогнозы наталкиваются на неизбежный предел: они могут быть сделаны только с помощью моделей, которые значительно снижают сложность. Однако Н. Луман распространяет риск, который Ч. Перроу ограничивал высокотехнологичными объектами, на все современное общество. Юридическая, медицинская, экономическая, образовательная и прочая деятельность также связана с рисками. Для Лумана современное общество должно быть понято как макросистема, функционально дифференцированная на автономные подсистемы (экономика, право, политика, образование, религия и т. д.), каждая из которых имеет специфическую функцию в воспроизводстве социального порядка и подчиняется собственной логике. Такая функциональная дифференциация устраняет примат политической системы и тем самым делает утопичным любое линейное управление событиями со стороны этой системы. Однако сложность общества как системы не позволяет нам учесть это распространение риска на общество в целом. Для этого необходимо признать, что риск обусловлен социально.

*Конструктивистская концепция риска:
от дистинкции «риск/безопасность»
к дистинкции «риск/опасность»*

Н. Луман развивает сугубо конструктивистский подход к риску как социальному явлению. Он рассматривает его как элемент самореферентной системы общества, в качестве особой формы, через которую общество описывает само себя и относится к своему будущему. Немецкий социолог применяет свою теорию наблюдения второго порядка, вдохновившись идеями Джорджа Спенсера-Брауна («Законы формы»), к анализу риска, т. е. наблюдает, как современное общество наблюдает свои собственные наблюдения за проблемой риска с точки зрения его различия. Социальные системы действительно являются наблюдающими системами; но подобное наблюдение не следует понимать в обычном смысле простого восприятия или созерцания. Согласно теории Н. Лумана, наблюдение состоит из двух элементов: различие и обозначение. Выбирается дистинкция («мужчина/женщина», «идеология/наука») и обозначается одна ее сторона. Это означает, что нечто может быть обозначено и, следовательно, наблюдаемо, только если оно отличается от чего-то другого. Такое определение наблюдения имеет важные эпистемологические следствия. Прежде всего, это подразумевает, что социальные системы не имеют непосредственного контакта со своим окружением, поскольку наблюдение – это конструкция, созданная на основе собственного режима работы системы. Социальная система не может общаться со своим окружающим миром (Umwelt); она может только реагировать на него, сообщая о нем. Более того, у любого наблюдения есть своя слепая зона. Поскольку наблюдение не может одновременно наблюдать обе стороны своего различия, оно не может в момент наблюдения наблюдать само себя. Тем не менее это различие можно заметить, но с помощью другого различия (то, что Н. Луман называет наблюдением второго порядка). Таким образом, если риск социально конструируется в соответствии с этой логикой (обратной стороной риска будет стабильность, нормализация, безопасность и т. п.), рационалистический подход оказывается недостаточным, поскольку он остается на уровне наблюдения первого порядка, которое как бы «онтологизирует» риск, описывая его как факт, не зависящий от наблюдения. В силу этого объективная оценка риска научными экспертами представляется фикцией из-за отсутствия общепризнанных критериев; причем те, кто подвергается риску, оценивают его иначе, чем те, кто принимает его во внимание. В результате конфликты по поводу риска носят структурный характер и не могут быть устранены высшей рациональностью или этикой.

Основываясь на этом конструктивистском подходе, Н. Луман проводит настоящую деконструкцию традиционного подхода

к понятию риска. Политическая система и СМИ чаще всего понимают риск в терминах различия между риском и безопасностью. Такое разграничение предполагает, что рисков можно избежать, приняв соответствующие меры безопасности; преимущество подобного разграничения также в том, что оно утверждает социальную значимую ценность для обывателя. Однако при этом игнорируется тот факт, что будущее остается неизвестным, что каждое решение порождает риск и что риск увеличивается с ростом знаний. Иронично то, что ставшее крылатым выражение мудрого Екклесиаста «от многой мудрости многие печали, и умножающий познание умножает скорбь» в таком случае может заиграть новыми красками. Различие между риском и безопасностью также является наблюдением первого порядка, которое из-за своего слепого пятна не видит, что невозможно достичь полной безопасности; это, конечно, не означает того, что мы должны отказаться от попыток приблизиться к ней. Как подчеркивает О.М. Ломако, ссылаясь на У. Бека и Э. Гидденса, в противовес подобному факту предлагается в качестве профилактики катастроф и рисков «рефлексивная модернизация, исходными пунктами которой являются институциональная рефлексия, рефлексивное сообщество, побочные последствия» [Ломако, 2018, с. 267]. К слову, стоит упомянуть, что в отличие от своего английского визави и близкого единомышленника Э. Гидденса, который имел тенденцию отделять свои теоретические работы от журналистских и политических, У. Бек был склонен смешивать их [Burgess, Wardman, Mythen, 2018, p. 3].

При этом наблюдатель второго порядка может видеть, что другая сторона риска – это не безопасность. Системная сложность и неопределенность будущего делают невозможными попытки избежать риска путем поиска безопасности или даже путем принятия решения не принимать решения. Так, чтобы указать на иллюзию контроля, Н. Луман с некоторой долей иронии пишет каламбур, трансформируя строки из гимна «Патмос» Ф. Гельдерлина, ставшие знаменитыми благодаря М. Хайдеггеру: «Там, где есть контроль, создается и риск» [Luhmann, 1991, p. 103]. Единственное, что можно сказать наверняка – это то, что абсолютной безопасности не существует.

Следовательно, Луман предлагает наблюдать за обществом с другой точки зрения – с точки зрения различия между «риском» и «опасностью». Эта дистинкция относится к различию между самореференцией и инореференцией системы, что, в свою очередь, относится к различию между системой и окружающей средой: «Риски приписываются решениям; опасности приписываются извне» [Luhmann, 1991, p. 117]. О риске можно говорить тогда, когда возможный ущерб рассматривается как следствие собственного решения. Опасность, в свою очередь, представляет собой возможный вред, который возникает извне, в результате воздействия окружающей среды, природных явлений или решений других людей или организаций, и, таким образом, находится вне контроля

человека. В силу этого мы можем отметить, что *риск*, которому подвергается один человек, представляет *опасность* для других.

По мнению Лумана, переход к современности идет рука об руку с трансформацией опасностей в риски. Расширение риска связано с тем, что благодаря своему способу наблюдения современное общество приписывает событиям больше решений. Катастрофы больше не воспринимаются как неизбежность, а интерпретируются в терминах чьей-либо ответственности. Когда землетрясение разрушает дома, присутствует тенденция считать, что причиной разрушения является не землетрясение, а некомпетентные решения, принятые теми, кто отвечал за строительство. Н. Луман отмечает, что «мы относительно нечувствительны к рискам, которые принимаем сами (или не желаем их воспринимать); с другой стороны, мы очень чувствительны и встревожены, когда предполагаем, что риски возникают по вине других. Мы разрушаем свое здоровье, плохо питаемся и куря; но именно к пищевой химии обращены наши опасения» [Luhmann, 1986a, p. 190]. В частности, прогресс научных знаний приводит к признанию того, что все больший ущерб окружающему миру наносят именно человеческие решения. Благодаря медицинскому прогрессу болезнь превратилась из возможной опасности в постоянный риск. Так, например, нам известно со слов диетологов, что *неправильные* привычки питания могут нанести вред здоровью. Новым является то, что болезнь все чаще рассматривается как следствие персональных решений. Действительно, Н. Луман отмечает, что мы все чаще приписываем смерть собственным решениям: от курения, от несбалансированного приема пищи, от отсутствия физических нагрузок – и почти забываем, что мы смертны и независимо от этих рисков.

Различие между риском и опасностью приводит к формированию двух социальных групп, различающихся атрибуцией (внутренней или внешней): лица, принимающие решения (*Entscheider*) – это те, кто принимает на себя риски; люди, подверженные опасности (*Betroffenen*), т. е. решениям других людей или организаций. Последние могут считать себя жертвами и пытаться возложить ответственность на постороннего. Таким образом, современное общество неизбежно порождает социальные конфликты между теми, кто принимает решения, и теми, кого они затрагивают. Любая попытка подавить эти конфликты через вовлеченность масс в принятие решений оказывается для Лумана иллюзорной. В лучшем случае внедрение процедур с участием общественности может сэкономить время и отсрочить решение проблемы. Но это далеко не всегда приводит к достижению согласия, а часто оборачивается лишь бесконечными дебатами, которые в конечном итоге рожают разочарование.

Как и Н. Луман, У. Бек считает, что общество риска определяется не простым признанием угроз для человечества, а тем, что риски возникают в процессе принятия решений. Стихийные бедствия или чума иногда наносили больший ущерб людям, чем со-

временные технологии, но «эти потрясения принципиально отличаются от “риска” в моем понимании, – пишет У. Бек – поскольку они не основаны на решениях, конкретно – на решениях в пользу техноэкономических преимуществ и новых возможностей, основанных на трактовке опасностей просто как издержек прогресса» [Beck, 1992, p. 116]. Признавая, что понимание риска в значительной степени зависит от социальных представлений, он не разделяет радикальный конструктивизм Н. Лумана. У. Бек фактически говорит о двух «наивных» или «строгих» подходах к риску [Beck, 2007, p. 161-175]. Наивный реализм рассматривает риск как объективный факт промышленного развития, на одном этапе которого доминируют социальные проблемы, а на другом – экологические. Как точно подметил Аббас Джонг, комментируя позицию У. Бека: «Производство “искусственных рисков” посредством индустриального общества и научного прогресса по существу делает вторую современность “проблемой для самой себя”» [Jong, 2022, p. 3]. Однако при таком подходе забывается то, что проблемы риска носят в том числе социальный и медийный характер. Именно в этом отношении радикальный конструктивизм Н. Лумана имеет преимущество, так как настойчиво подчеркивает это. В то же время ограниченность позиций Лумана заключается в том, что он игнорирует реальность новых угроз для современного общества и, следовательно, необратимость катастроф – например, из-за изменения климата. В результате Н. Луман путает катастрофу как событие с дискурсом о нем. У. Бек со своей стороны защищает реалистический или институциональный конструктивизм, который не ограничивается демонстрацией того, как реальность социально конструируется, в частности, СМИ. По мнению У. Бека, «сама реальность» производится действиями и решениями политических, технологических и экономических систем. Отвергая идею природы, внешней по отношению к обществу, и, следовательно, оппозицию природа/культура, он утверждает, что реальность конфигурируется технической деятельностью человека, так что производство и определение этой реальности не могут быть разделены.

Н. Луман, безусловно, признает, что окружающая среда общества стала по большей части искусственной и теперь представляет собой не столько природу, сколько набор артефактов. Он считает, что социальная среда была глубоко изменена человеческими решениями и что технологии стали разрушительной силой на планете. Однако, по его мнению, чувствительность к риску можно объяснить скорее появлением нового способа наблюдения с наступлением современности, чем структурными изменениями в обществе. Напротив, У. Бек указывает на радикальную трансформацию современности с появлением новых опасностей, которые ускользают от всех форм контроля [Beck, 2007, p. 170-171].

У. Бек и Н. Луман разделяют убеждение, что для понимания современности в ее качественной уникальности необходим новый концептуальный инструмент. Вместе с тем последний считает, что

социология осталась в ловушке концепций, которые унаследованы от классового общества и препятствуют адекватному восприятию функциональной дифференциации и сложности современности: «Во всех своих функциональных системах современное общество сегодня испытывает значительную потребность догнать теоретические наблюдения и описания; оно еще не нашло, так сказать, адекватного образа себя» [Luhmann, 1987, p. 180]. Это общее требование, тем не менее, скрывает решительное расхождение в их понимании риска. У. Бек рассматривает общество риска как характеристику новой фазы современности и утверждает, что «мы являемся свидетелями – субъектом и объектом – разлома внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания – очертания (индустриально-го) “общества риска”» [Бек, 2000, с. 10]. Он определяет эту «другую современность» как рефлексивную современность в том смысле, что зачастую драматический ущерб, который человечество испытывает сегодня, вызван не столько природными катастрофами, сколько самой модернизацией. Напротив, с точки зрения Н. Лумана, коммуникация риска свидетельствует не о глубокой трансформации структуры общества, а лишь о появлении новой семантики, т. е. нового способа описания обществом самого себя. Хотя семантика риска, несомненно, стала преобладающей, фундаментальная структура современного общества остается структурой функциональной дифференциации.

Темпоральность общества риска

Одержимость риском также проявляется в трансформации темпоральности современного общества. Так, в древних обществах мир мыслился как «космос вечных сущностей» [Luhmann, 1992, p. 130-137]. Неопределенность могла быть связана с пороками, со случайными событиями, т. е. не с самой сутью вещей. Несмотря на постоянство сущностей, события включают в себя, таким образом, долю случайности. Жизнь переживается как опасная жизнь [Ibid., p. 137]; человек отдан на волю судьбы, против которой добродетель, стремящаяся соответствовать порядку сущностей, требует невозмутимости или атараксии. Возросшая сложность современной эпохи открывает новые отношения с будущим. Семантика прогресса темпорализует иерархический порядок сущностей. С Просвещения общество определяется его проекцией в будущее, видится как «незавершенный проект», который должен обеспечить большую индивидуальную и коллективную эмансипацию. С тех пор вера в прогресс значительно ослабла, а будущее стало источником беспокойства. В современном обществе разрыв между прошлым и будущим выражен больше, чем когда-либо, поскольку будущее воспринимается как обусловленное текущими решениями и стало более неопределенным. В результате «преemptивности стало меньше, а прерывистости – больше» [Luhmann, 1991, p. 56] в

сравнении с предшествовавшими эпохами, когда несчастья можно было приписать судьбе и поверить в возможность спасения. В этом отношении появление риска свидетельствует о секуляризации отношения к невзгодам.

Традиционные общества признавали эту непредвиденность будущего, но не интерпретировали ее как следствие решений. Несчастья приписывались не человеку, а Провидению или природе. В этом отношении показателен знаменитый аристотелевский анализ условного будущего. Аристотель отмечает, что нельзя знать, состоится ли морское сражение. Но что поразительно в аристотелевском тексте, говорит нам Н. Луман, так это то, что Стагирит не ставит эту проблему в зависимость от решения, а рассматривает ее как вопрос истинных или ложных высказываний. «Наша же проблема, – делает вывод Н. Луман, – заключалась бы в том, стоит ли идти на риск, вступая в морское сражение» [Luhmann, 1992, p. 137].

Протест и требование к политике

Обратим свое внимание на «зеленую повестку», которая наиболее чутка к проблеме влияния техники на природу. Возникновение экологического протеста является свидетельством этой повышенной чувствительности к риску. Как верно отмечают некоторые исследователи, «в обществе риска заботы людей смещаются со стихийных бедствий на опасности, которые возникают в результате деятельности человека и часто носят глобальный, широко распространенный характер» [Mansouri, Sefidgarbaei, 2021, p. 36]. Учитывая общие трудности с определением лиц, принимающих решения в случае стихийных бедствий или экономических кризисов, факт обеспокоенности может быть выражен в форме протеста без точных адресатов.

По мнению Н. Лумана, социальные движения являются реакцией на функциональную дифференциацию современного общества. Поскольку больше нет привилегированной позиции, с которой можно рассматривать весь современный социум, функция социальных движений – критическое его самоописание; поэтому они в основном занимаются проблемами, «которые функциональные системы не могут структурно решить или решают плохо» [Luhmann, 1996, p. 190]. Социальные движения указывают на нарушения в функциональной дифференциации и представляют собой в некотором смысле «иммунную систему» общества; они защищают от ригидности структуры, которые больше не приспособлены к окружающей среде. Таким образом, они компенсируют дефицит отражения риска в современном обществе, выводя на общественную арену вопросы, которые не могут быть озвучены в различных функциональных системах (экономика, право, наука и т. д.). Для этого, как и СМИ, они предпочитают новизну, скандалы, конфликты, поиск и огласку имен ответственных лиц.

Отметим, что классические социальные движения осуждали представителей власти по поводу тех проблем, которые подчеркивали неравенство и чью-либо исключительность. Новые протестные движения, с другой стороны, фокусируются на наблюдении за этими дисфункциями с точки зрения различия опасности и риска, указывая на ситуации, при которых можно стать жертвой рискованного поведения отдельных людей или организаций, и выступая от имени соответствующих социальных групп.

Однако если У. Бек видит в этих новых социальных движениях векторы рефлексивной современности, создателей глобального общественного пространства и новой политической культуры, требующей более партисипативной демократии, то Н. Луман сомневается в их способности трансформировать общество. По его мнению, они наивно полагают, что наблюдают за социальной системой извне, тогда как сами являются ее чистым продуктом и вносят свой вклад в ее адаптацию и стабилизацию. Эти альтернативные движения, очень бедные теоретически и неспособные предложить радикальную критику функциональной дифференциации, «не имеют альтернативы, чтобы предлагать» [Ibid., p. 104]. Они довольствуются тем, что раздражают политическую систему, не будучи в состоянии предложить что-то иное, более конструктивное.

Наблюдая за обществом с точки зрения альтернативы между выживанием и катастрофой, новые социальные движения распространяют тревогу, которая приобретает моральную ценность. В современном обществе риска непредвиденность будущего выражается в том, что жизнь определяется вещами, не зависящими от человека – например, экономическими условиями, научно-техническими инновациями, глобальным потеплением. Такие изменения «достигают кульминации в саморекламе риторики страха, которая предполагает, что человек обязан смотреть на будущее с тревогой» [Luhmann, 1986a, p. 190]. Тревога, таким образом, становится трансцендентальным принципом самонаблюдения общества [Luhmann, 1986b, p. 156-163]. Она предстает фундаментом новой формы морали: страх становится долгом. Возникает ощущение, что ничто не может предотвратить распространение страха, что его нельзя успокоить рациональным дискурсом; он сопротивляется «любой критике чистого разума» [Ibid., p. 158]. Даже напротив – попытки понять проблемы риска и безопасности с научной точки зрения, похоже, только подпитывают тревогу общества.

Восприятие риска как чего-либо, связанного с решениями, неизбежно поднимает проблему ответственности. Немецкие социологи, однако, признают сложность определения четкой ответственности; но из-за их несхожих оценок реальности риска они делают это по различным причинам. Так, Н. Луман признает, что очень трудно провести различие между рисками и опасностями, поскольку подверженность опасностям сама по себе часто является результатом определенного выбора или решения. Например, курильщик сам принимает решение курить, подвергая себя и других

опасности из-за химических веществ, содержащихся в сигаретах; однако ведь существует целая индустрия, которая популяризирует курение и насыщает табачными изделиями рынок. Эта двусмысленность, как известно, привела к многочисленным судебным искам против табачной промышленности. Напротив, для У. Бека системный характер рисков и увеличение непредвиденных и непредусмотренных побочных эффектов часто делают практически невозможным вменение кому-либо ответственности на основании правовых стандартов. Таким образом, была установлена «организованная безответственность», которая связана с отставанием правовой регламентации от все новых и новых случаев: риски множатся и ветвятся, предусмотреть их не всегда возможно, дурные предчувствия как назло имеют свойство сбываться, а юридическое решение проблемы не обнаруживается. Как итог, растет недовольство, запускаются компенсаторные механизмы в обществе в виде массового возмущения.

С точки зрения Н. Лумана, из-за сложности определения ответственных лиц протест в конечном итоге принимает форму «претензий к политике». Риски политизированы в том смысле, что на государство возлагается ответственность за опасности даже там, где принятие риска носит явно индивидуальный характер (например, в случае употребления наркотиков или хотя бы плавания в водоемах). На наш взгляд, массы ожидают, что *для людей будут созданы условия, в которых они смогут жить рискованно, при этом не подвергаясь опасности* – ведь политикам, чиновникам, государственным деятелям даны все ресурсы, полномочия и власть для осуществления народных чаяний. Вследствие этого, столкнувшись с такими ожиданиями относительно опасности рисков, государство может реагировать только путем принятия решений, которые навязываются коллективно, несмотря на то, что зачастую рационального консенсуса не существует. В результате государство становится высшей инстанцией для преобразования опасностей в риски – Левиафан обязан действовать в ситуации неопределенности, не имея возможности принять полностью рациональное решение. Более того, полностью рациональное решение было бы невозможным просто потому, что это заняло бы слишком много времени и по факту привело бы к отсрочке принятия решения. Поэтому утверждение о рациональности не является нейтральным с точки зрения времени. Возникает своего рода забавная ситуация, так как в этом случае у политической системы есть только два варианта: либо она прямо обнаруживает свои функции и регулирует проблему, взяв на себя ответственность за последствия; либо она решает повременить, запросив экспертное заключение и тем самым рискуя эту проблему усугубить [Luhmann, 1991, p. 185]. Для того чтобы оправдать ожидания от управления рисками, политика превращает риски в опасности, умножая нормы регулирования.

Коммуникация риска

Так как же общество может справиться с проблемой риска? Впрочем, отметим, что цель исследований данной темы у Н. Лумана не в том, чтобы предлагать решения. Ученый хочет быть отстраненным наблюдателем, который наблюдает за наблюдателями и таким образом добавляет еще один уровень наблюдения – третий. Подобное наблюдение имеет ограниченные практические последствия. Луман заключает, что избежать риска невозможно. Подобная точка зрения, разумеется, может показаться пессимистичной. Функциональная дифференциация общества, по-видимому, противостоит любой форме управления всем обществом одной из его подсистем для достижения лучшего управления рисками. Участие всех заинтересованных сторон – это лишь утопия. Протестные движения не могут ни преодолеть разрыв между теми, кто принимает решения, и теми, кого они затрагивают, ни направить общество в нужное русло, поскольку они способны только раздражать политиков. Наука также не может решить проблему неопределенности будущего, поскольку усилия по лучшему пониманию риска лишь приводят к его более глубокому осознанию.

Фатализм Н. Лумана в вопросах риска и опасности современности особенно очевиден в его анализе экологических рисков в книге «Экологическая коммуникация». На этом стоит заострить особое внимание. Как мы уже отметили в самом начале, эта книга была опубликована в том же году, что и «Общество риска» У. Бека, однако анализ данных у двух социологов кардинально расходится. По мнению Н. Лумана, чтобы определить, сможет ли общество ответить на экологические вызовы, необходимо начать с центрального для системного подхода различия между системой и средой. Конечно, он предполагает возможность новой общественной рациональности, которая сделает различие между системой общества и его внешней средой центральным различием в самонаблюдении и функционировании общества. По системным причинам, однако, он очень осторожно относится к реализации этой возможности: в отсутствие какой-либо центральной инстанции (системы, организации) такое повторное вхождение этого различия в систему утопично. Мышление Лумана в области экологии сосредоточено на понятии резонанса, которое относится к ситуациям, когда события в окружающей среде оказывают влияние на общественную систему. Однако, по его мнению, такой резонанс наталкивается на две основные преграды. С одной стороны, операционная закрытость системы от ее окружения подразумевает, что общество не может общаться со своим окружением, а может только говорить о своем окружении. Другими словами, резонанс фильтруется режимами работы систем. В результате такого отбора по системным кодам общество слишком мало реагирует на экологические угрозы. С другой стороны, функциональная дифференциация современного общества, подразумевающая отсутствие центра и утрату главен-

ства политической системы, не допускает единого подхода к экологическим проблемам. Системы реагируют на эти проблемы очень по-разному и несогласованно. Например, в демократической политической системе, оппозиция может обвинять правительство в бездействии по утилизации отходов электрического и электронного оборудования. С другой стороны, экономическая система может стремиться отправлять отходы в страны третьего мира, чтобы снизить стоимость их переработки. Таким образом, единых ответов на экологические проблемы, волнующие общество в целом, нет.

Тем не менее Н. Луман стремится определить условия для коммуникации по вопросам риска, которые позволят избежать обострения конфликтов между лицами, принимающими решения, и лицами, заинтересованными в решении проблемы. Как мы видели, функциональная дифференциация современного общества запрещает любое единое видение мира и любую точку зрения, которая позволила бы объединить его различия: «Мир больше не является совокупностью вещей (*universitas rerum*), но коррелятом наблюдений наблюдений наблюдений» [Luhmann, 1991, p. 149]. Луман называет «поликонтекстуальностью» тот факт, что мир теперь делится не на регионы бытия, а на различные перспективы и что современное общество тем самым утратило свое единство. В таком обществе риск – это относительное социальное представление, которое запрещает консенсус и объективность. Однако коммуникация риска возможна: если она не может привести к примирению различных наблюдений, она по крайней мере должна позволить им сосуществовать. Лица, принимающие решения, и заинтересованные в этих решениях люди неизбежно понимают риск по-разному; но они могут осознать обоснованность других способов наблюдения, избегая их карикатурного представления.

Вывод

На наш взгляд, преимущество анализа Н. Лумана состоит в том, что он выходит за рамки любого онтологического подхода к риску и учитывает общественные антагонизмы, которые риск провоцирует. Однако системная социология Лумана не предлагает иной перспективы, кроме фатализма, преодоление которого требует подвергнуть сомнению два принципа такой социологии: концепцию функциональной дифференциации и радикальность конструктивизма. Так, представляя политику системой, утратившей свою роль в регулировании общества, Н. Луман воздерживается от рассмотрения вопроса о создании регулирующих органов, которые позволили бы решать проблемы риска, распространяющиеся на все более обширные области общественной жизни и имеющие глобальный характер. Такой пессимизм в отношении политического и правового регулирования не преминул вызвать критику даже со стороны последователей немецкого социолога. Например, Гюнтер Тейбнер и Хельмут Вилке придают политической системе особое

значение, поскольку она обладает рефлексивным статусом, т. е. может регулировать вклад различных подсистем в интеграцию общества. Они утверждают, что политика уже признала свою ограниченность и адаптировалась к ней, сосредоточившись на «формировании внутрисистемных отношений» [Willke, 2001, р. 126]. Таким образом, транснациональное «рефлексивное» право может стать привилегированным инструментом регулирования проблем, связанных с риском, если ему удастся установить процедуры международных переговоров, позволяющие то, что Х. Вилке называет «самопилотирующимся кондиционированием» подсистем. В то же время, по мнению У. Бека, релятивизм и конструктивизм Н. Лумана приводит к агностицизму и в конечном счете к деполитизации проблем, поднимаемых риском. Попытки изобрести новые институциональные решения в этих условиях, похоже, обречены на провал [Beck, 2007, р. 258]. На основе своего реалистического конструктивизма У. Бек вместо этого разрабатывает «критическую теорию общества риска», которая должна привести к «космополитической реальной политике» [Ibid., р. 334-374]. Однако и здесь не обойтись без критических замечаний. К примеру, исследуя космополитические ориентации У. Бека, британский социолог Джой Ю. Джан отмечает, что ученый «туманно сформулировал, как риск приводит к радикальным институциональным изменениям» в силу того, что Бек лишен «эмпирической заинтересованности» и склонен к «европоцентризму» [Zhang, 2018, р. 69]. Схожей точки зрения придерживается и Сабина Селшоу, заявляющая, что «Бек не предложил набросков четкого руководства, а также всеобъемлющего методологического инструментария того, как следует наблюдать конкретное и эмпирическое рассмотрение его нового мира» [Selchow, 2016, р. 378].

В заключение отметим, что на наших глазах уже как несколько лет разворачиваются в буквальном смысле исторические события, размышлять о которых без таких понятий как «риск» и «опасность» попросту не представляется возможным. Пандемия, экологические, политические и экономические кризисы, проблема мигрантов и беженцев, военные противостояния различных государств – вот прямые тому примеры. В силу этого мы можем с уверенностью заявить, что, через осмысление понятия риска, его комплексности и неоднозначности, концепции У. Бека и Н. Лумана могут не только получить свое новое прочтение, но и послужить мощной методологической основой для дискуссий о самых актуальных, злободневных темах современности.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Бек, 2000 – *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

Ломако, 2018 – *Ломако О.М.* Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 265-269.

Штомпка, 2008 – *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2008. 664 с.

Beck, 1992 – *Beck U.* From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. Vol. 9. No.1. P. 97-123.

Burgess, Wardman, Mythen, 2018 – *Burgess A., Wardman J., Mythen G.* Considering Risk: Placing the Work of Ulrich Beck in Context // Journal of Risk Research. 2018. Vol. 21. P. 1-5.

Jong, 2022 – *Jong A.* World Risk Society and Constructing Cosmopolitan Realities: A Bourdieusian Critique of Risk Society // Frontiers in Sociology. 2022. Vol. 7. P. 1-13.

Perrow, 1984 – *Perrow C.* Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1984. 464 p.

Pietrocola et al., 2021 – *Pietrocola M., Rodrigues E., Bercot F., Schnorr S.* Risk Society and Science Education: Lessons from the COVID-19 Pandemic // Science & Education. 2021. Vol. 30. P. 209-233.

Selchow, 2016 – *Selchow S.* The Paths Not (Yet) Taken: Ulrich Beck, the “Cosmopolitized World” and Security Studies.// Security Dialogue. 2016. Vol. 47. No. 5. P. 369-385.

Wardman, Mythen, 2016 – *Wardman J. K., Mythen G.* Risk Communication: Against the Gods or against All Odds? Problems and Prospects of Accounting for Black Swans // Journal of Risk Research. 2016. Vol. 19. P. 1220-1230.

Zhang, 2018 – *Zhang J. Y.* Cosmopolitan risk community in a bowl: a case study of China's good food movement // Journal of Risk Research. 2018. Vol. 21. P. 68-82.

Beck, 2007 – *Beck U.* Weltrisikogesellschaft: Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG, 2007. 439 S.

Luhmann, 1986a – *Luhmann N.* Die Lebenswelt – nach Rücksprache mit Phänomenologen // Archiv für Rechts – und Sozialphilosophie. 1986. Vol. 72. No. 2. S. 176-194.

Luhmann, 1986b – *Luhmann N.* Ökologische Kommunikation. Wiesbaden, 1986. 275 S.

Luhmann, 1987 – *Luhmann N.* Soziologie Aufklärung. Vol. 4. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. 276 S.

Luhmann, 1991 – *Luhmann N.* Am Ende der kritischen Soziologie // Zeitschrift für Soziologie. 1991. Vol. 20. No. 2. S. 147-152.

Luhmann, 1991 – *Luhmann N.* Soziologie des Risikos. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 1991. 252 S.

Luhmann, 1992 – *Luhmann N.* Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. 220 S.

Luhmann, 1996 – *Luhmann N.* Protest: Systemtheorie und soziale Bewegungen. Suhrkamp: Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft, 1996. 216 S.

Willke, 2001 – *Willke H.* Systemtheorie III: Steuerungstheorie. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2001. 384 S.

References

Beck, U. Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2000. (in Russian)

Beck, U. "From Industrial Society to the Risk Society", *Theory, Culture and Society*, 1992, vol. 9, no.1, pp. 97-123.

Beck, U. Weltrisikogesellschaft: Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit [World at Risk: The Search for Lost Security]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG, 2007. (in German)

Burgess, A., Wardman, J., Mythen, G. "Considering Risk: Placing the Work of Ulrich Beck in Context", *Journal of Risk Research*, 2018, vol. 21, pp. 1-5.

Jong, A. "World Risk Society and Constructing Cosmopolitan Realities: A Bourdieusian Critique of Risk Society", *Frontiers in Sociology*, 2022, vol. 7, pp. 1-13.

Lomako, O.M. "Mirovoe obshchestvo riska v politicheskoi filosofii Ulrikha Beka: logika i ironii" [The World Society of Risk in Ulrich Beck's Political Philosophy: Logic and Irony], *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia "Filosofii. Psikhologii. Pedagogika"* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2018, vol. 18, no. 3, pp. 265-269 (in Russian)

Luhmann, N. Die Lebenswelt – nach Rücksprache mit Phänomenologen [Life-World – after conversation with phenomenologists]. *Archiv für Rechts – und Sozialphilosophie*, 1986, vol. 72, no. 2, S. 176-194. (in German)

Luhmann, N. Ökologische Kommunikation [Ecological Communication]. Wiesbaden, 1986. (in German)

Luhmann, N. Soziologie Aufklärung. Vol. 4 [Sociology Enlightenment. Vol 4]. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. 276 S. (in German)

Luhmann, N. Am Ende der kritischen Soziologie [At the end of critical sociology]. *Zeitschrift für Soziologie*, 1991, vol. 20, no. 2, S. 147-152. (in German)

Luhmann, N. Soziologie des Risikos [Sociology of Risk]. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 1991. 252 S. (in German)

Luhmann, N. Beobachtungen der Moderne [Observations of the Modern Age]. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. 220 S. (in German)

Luhmann, N. Protest: Systemtheorie und soziale Bewegungen [Protest: Systems Theory and Social Movements]. Suhrkamp: Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft, 1996. 216 S. (in German)

Perrow, C. Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Pietrocola, M., Rodrigues, E., Bercot, F., Schnorr, S. "Risk Society and Science Education: Lessons from the COVID-19 Pandemic", *Science & Education*, 2021, vol. 30, pp. 209-233.

Selchow, S. "The Paths Not (Yet) Taken: Ulrich Beck, the 'Cosmopolitized World' and Security Studies", *Security Dialogue*, 2016, vol. 47, no. 5, pp. 369-385.

Sztompka, P. “Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva” [Sociology. An Analysis of Contemporary Society]. Moscow: Logos Publ., 2008. (in Russian)

Wardman, J.K., Mythen, G. “Risk Communication: Against the Gods or against All Odds? Problems and Prospects of Accounting for Black Swans”, *Journal of Risk Research*, 2016, vol. 19, pp. 1220-1230.

Willke, H. Systemtheorie III: Steuerungstheorie [System Theory III: Management Theory]. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2001. (in German)

Zhang, J.Y. “Cosmopolitan risk community in a bowl: a case study of China’s good food movement”, *Journal of Risk Research*, 2018, vol. 21, pp. 68-82.

Поступила в редакцию: 03.10.2022

Принята к публикации: 10.11.2022